

УДК 94(47)"19"
DOI: 10.17223/19988613/70/7

В.В. Степкин

КАЛАЧЕЕВСКАЯ ПЕЩЕРА НА СРЕДНЕМ ДОНУ: ПРОЧТЕНИЕ САКРАЛЬНОГО ТОПОСА В КОНТЕКСТЕ ВИА ДОЛОРОЗА

Раскрывается семантическая нагрузка сакрального пространства Калачеевской пещеры Воронежской области. Выдвигается и обосновывается гипотеза об отражении в структуре Калачеевской пещеры сакрального пространства Иерусалима, где ходы пещеры – это улицы города, а отдельные ее помещения – здания. Особо подчеркиваются планиграфические и символические параллели улицы Виа Долороза в Иерусалиме с центральным и северным отрезками калачеевских пещерных лабиринтов.

Ключевые слова: Калачеевская пещера; Виа Долороза; Крестный Путь Христа; Русская православная церковь; паломничество в Иерусалим.

Калачеевская культовая пещера, находящаяся в Подонье, на территории Воронежской области, является одной из самых протяженных на территории европейской части России. Суммарная длина ее ходов в настоящее время составляет около 892 м, лишь на несколько десятков метров уступая самому обширному подземному комплексу – Белогорской пещере с ее 985 м. Вместе с тем, в отличие от Белогорской пещеры, о Калачеевском подземелье фактически не сохранилось письменной информации, что делает актуальными полевые исследования данного комплекса с поиском архитектурных параллелей.

В связи с этим неслучайно, что первым исследователем Калачеевской пещеры стал археолог-любитель, художник Д.М. Струков. Он, посетив подземелье в конце XIX в., еще застал живущего здесь крестьянина, который, по его словам, «выдавал свои труды по строительству пещер и 20-летние труды своего предшественника, крестьянина из могиловской губернии, за начало устройства пещерных лабиринтов» [1]. Надо заметить, что Струков с мнением крестьянина не согласился, так как архитектурный облик пещеры напомнил ему увиденные на Востоке более древние христианские подземелья. На его взгляд, крестьяне лишь дорабатывали памятник, начало которому было положено во времена апостольские. Конечно же, данная Струковым датировка памятника не нашла понимания среди научной общественности, познакомившейся с ней по докладу М.П. Трунова на XII Археологическом съезде в 1902 г. [2].

После Д.М. Струкова Калачеевская пещера долгое время не попадала в целенаправленное поле изучения. Лишь косвенным образом она фигурировала в исследованиях ученых естественнонаучного профиля. В 1903 г. «меловой склон с вырытыми в нем пещерами» в слободе Калач был осмотрен российским геоботаником В.А. Дубянским. Им была сделана соответствующая фотография с приложением описания произрастающей здесь флоры [3]. 31 января 1956 г. пещера была осмотрена специалистом по рукокрылым П.П. Стрелковым на предмет обитания в подземелье летучих мышей. Им были обнаружены 4 водяные ночницы и 1 ушан [4].

С 70-х гг. XX в. памятник начал изучаться Воронежской секцией спелеологии. Спелеологами состав-

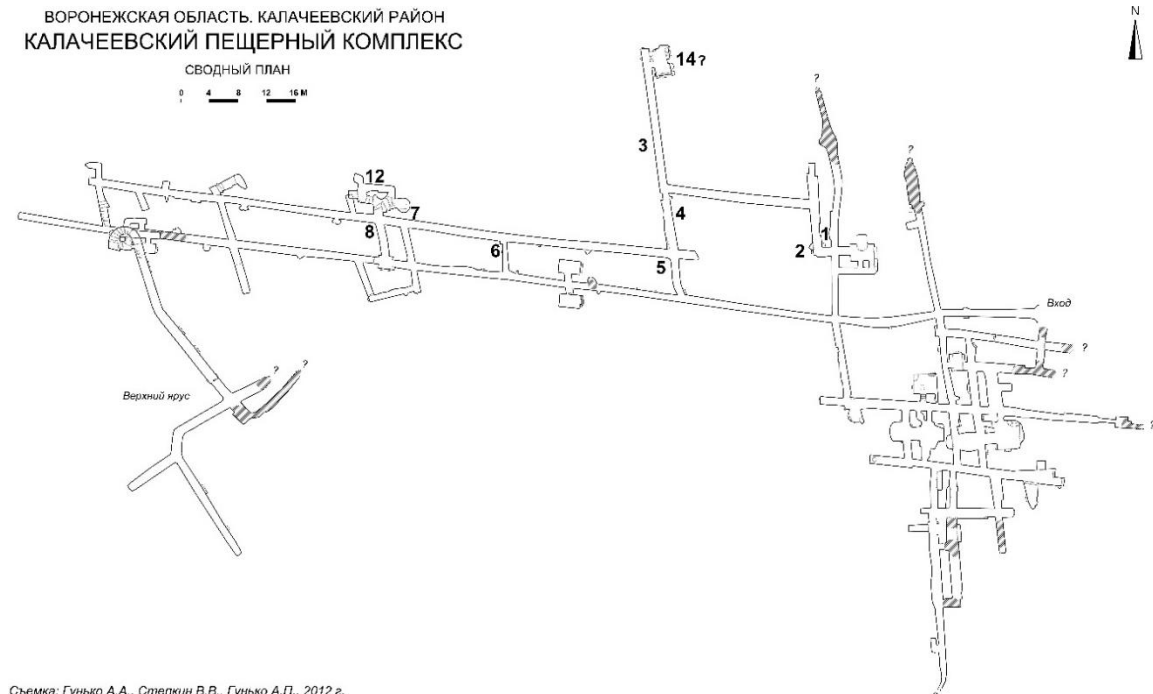
ляется план пещеры, делается ее общее описание, обращается внимание на наличие граффити. Председатель секции спелеологии Э.В. Гольянов посвятил несколько строк описанию этого памятника в статье «Донские пещеры», вышедшей в свет в 1983 г. [5].

В октябре 1997 г. Калачеевская пещера была обследована коллективом ЗАО «Инженерная геология исторических территорий» в составе представителей: О.Е. Вязкова, В.В. Пономарев, О.В. Телин, под руководством доктора геолого-минералогических наук профессора Е.М. Пашкина. Работы проводились по заказу администрации Калачеевского района на предмет возможности проведения здесь экскурсионной деятельности. По результатам работы был написан рукописный отчет, в котором отмечались опасные для посещения участки пещеры, высказывалось мнение о функциональном предназначении различных частей подземелья [6]. Так же, как и Струков, подрядчики сделали предположение о наличии различных этапов создания памятника, основываясь на анализе структуры пространственного расположения ходов пещеры. Кроме того, было отмечено, что поверхности стен, основания и кровли выработок залегают по почти параллельным субвертикальным и горизонтальным тектоническим трещинам, что значительно облегчало сооружение памятника. Надо заметить, что работающая над инженерно-геологическим мониторингом Калачеевской пещеры О.Е. Вязкова написала ряд статей, поднимающих проблемы сохранения, реставрации и использования меловых пещерных храмов Воронежской области [7, 8]. В них уделялось несколько абзацев и рассматриваемому нами памятнику.

С осени 1999 г. пещера исследуется В.В. Степкиным. Им составляются более подробные планы некоторых помещений, описываются архитектурные детали и граффити подземелья. Данная работа позволила выделить в южной системе ходов пещерный храм и внести соответствующие поправки в общий план памятника, составленный Воронежской секцией спелеологии [9, 10]. Второй пещерный храм был выявлен в структуре подземных лабиринтов в ходе совместного обследования памятника в 2007 г. Н.Е. Гайдуковым и В.В. Степкиным. Результатам данного обследования

была посвящена отдельная статья [11]. В ней подробно описываются храмы, Н.Е. Гайдуковым высказывается гипотеза об их возникновении в XIII–XIV вв. на основе анализа литургического устройства, проводятся параллели с подземными культовыми архитектурными сооружениями других территорий.

В 2013 г. под руководством А.А. Гунько в Калачеевской пещере проводится топосъемка объекта. В результате появляется новый, более точный план Калачеевского пещерного комплекса (рис. 1), делается детальное морфометрическое описание памятника, выявляется его суммарная протяженность – 892 м [12].

Съемка: Гунько А.А., Степкин В.В., Гунько А.П., 2012 г.

Рис. 1. План Калачеевской пещеры на Среднем Дону. Топографическая съемка А.А. Гунько, 2012. Наложение номеров станций Виа Долороза – В.В. Степкин, 2018 г.

Значимый вклад в изучение истории Калачеевской пещеры был внесен А.М. Бойко и Е.С. Свиридовой. В 2015–2016 гг. выходят в свет их совместные статьи, посвященные воспоминаниям местных жителей о подземелье. В них собран богатый материал о последнем этапе функционирования подземелья в XX в., приводятся местные легенды [13, 14].

Вместе с тем до настоящего времени остается открытым вопрос как о первоначальном этапе строительства комплекса, так и о семантике его лабиринтов. Поиск ответов на эти взаимосвязанные вопросы поможет не только понять предназначение отдельных составляющих Калачеевской пещеры, но и наметить пути выявления семантической составляющей других культовых пещер на Русской равнине.

Для решения задачи выявления символической нагрузки лабиринтов Калачеевской пещеры применим структурно-семантический метод, способствующий выявлению семантики отдельных архитектурных элементов пещер в структуре подземного комплекса. Также историко-системный подход поможет понять специфику рассматриваемого объекта на историческом фоне доминирующей культуры. В качестве гипотезы исследования выдвинем тезис об отражении в структуре Калачеевской пещеры сакрального пространства Иерусалима, где ходы пещеры – это улицы города, а отдельные его помещения – здания. Выдвижение данной гипотезы и ее обоснование составляют новизну работы.

На возможность постановки и решения данной проблематики указывает существующий прецедент в пещерах Дивногорского и Усть-Медведицкого монастырей в Подонье [15, 16]. Так, в урочище Малые Дивы не позднее XVII в. была вырублена в мелу галерея вокруг пещерного храма, символически отражающая путь Иисуса Христа к месту распятия – Виа Долороза (Via Dolorosa), Путь Скорби, Крестный Путь. Крестный Путь (Via Crucis) был воссоздан и в Усть-Медведицком монастыре игуменьей Арсенией (Себряковой) в последней четверти XIX в. Однако надо заметить, что воспроизведение Виа Долороза как в Дивногорских, так и в Усть-Медведицких пещерах имело в целом символический характер повторения станций (уловных остановок Крестного Пути) при сходстве отдельных архитектурных составляющих. В Калачеевских же пещерах, на наш взгляд, мы встречаемся не только с символическим характером воспроизведения улицы Виа Долороза в Иерусалиме, но и с планиграфическим, в центральной и северной частях подземного лабиринта.

Если наша гипотеза верна, то необходимо найти отправную точку структурно-семантического анализа. В Дивногорском монастыре такой точкой стало прочтение станции Голгофа, выраженной повышением и понижением пещерного хода с количеством ступеней, соответствующим иерусалимскому прототипу в храме Гроба Господня [15]. В Калачеевской пещере такой точкой может стать «Колонна бичевания», читаемая

в северо-восточной части лабиринта и относящаяся к второй станции, символической остановке на Пути Скорби. Посетивший Иерусалим в конце XIX в. протоиерей А. Ковальский писал о ней: «2-я станция – место бичевания и место, где Спаситель взял Свой Крест, чтобы нести на Голгофу; здесь устроена капелла бичевания: Ессе homo» [17. С. 222]. Ессе homo – «се Человек», так звучали слова Понтия Пилата о Христе во время суда. Калачеевская «Колонна бичевания» представляет собой частично вырезанный из меловой породы объект с ярко выраженным основанием и капителю (рис. 2, б). Вверху срединной части мы видим восьмилепестковую розетку, внизу – равносторонний крест, заключенный в квадрат. Согласно сложившемуся культу Пути Скорби, именно на второй станции на Христа возложили крест, и отсюда он начал путь к

искуплению грехов всего мира, путь к преодолению смерти, к вечности. Символика квадрата в этом контексте может читаться как отражение земного пространства нашего мира с четырьмя основными направлениями структурирования: север, юг, восток, запад, или – вперед, назад, влево, вправо. И если квадрат, находящийся внизу колонны, – это символ земного мира, то круг, находящийся в верхней части колонны, – символ небесного мира, вечности. Отсутствие у круга конца и начала указывает на вневременной характер бытия. Число «восемь» использовалось в христианской архитектуре как символ вечности. Неслучайно «храм Гроба Господня виделся средневековым архитекторам именно в виде восьмиугольника» [18. С. 4]. Восьмиугольный купол венчает в настоящее время и капеллу бичевания в Иерусалиме.

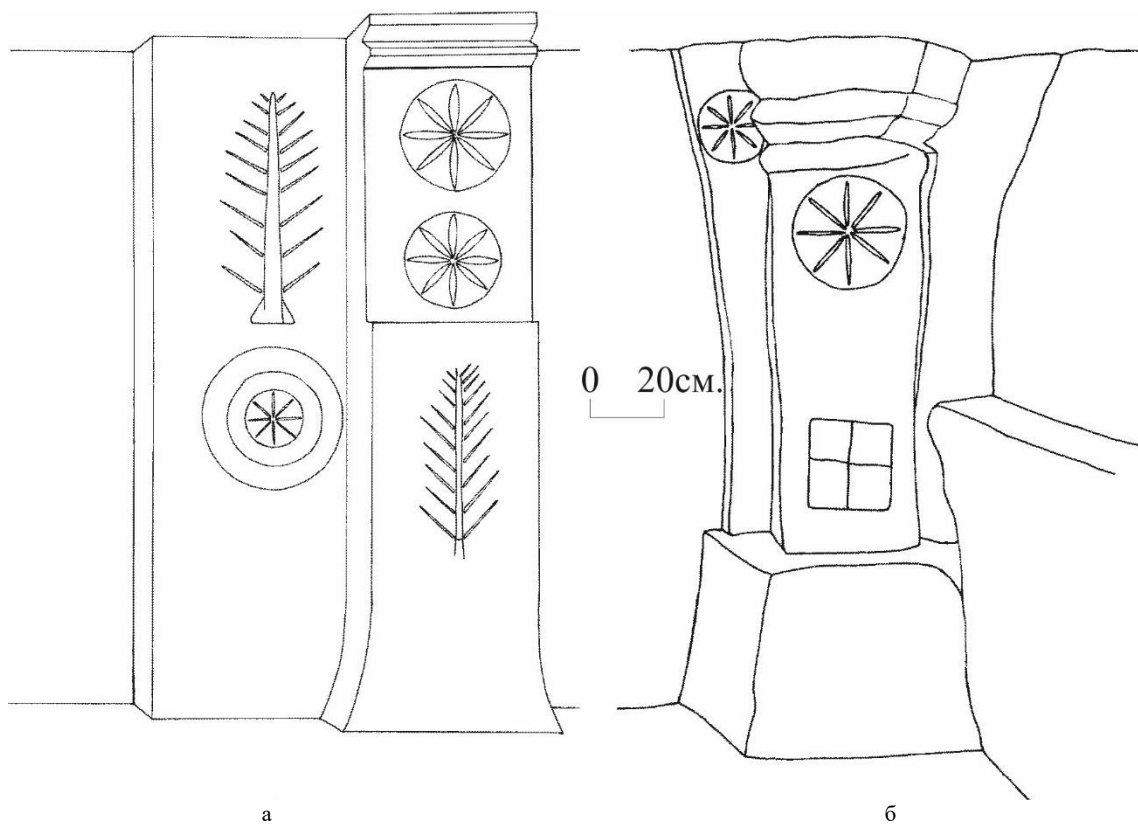

Рис. 2. Пилястры в Калачеевской пещере с вырезанными на них восьмилепестковыми розетками и пальмовыми ветвями; б – «Колонна бичевания» в Калачеевской пещере

Идея начала символического пути к победе над смертью, к вечности подчеркивается находящимися неподалеку от калачеевской «Колонны бичевания» двумя спаренными пилястрами с вырезанными на них восьмилепестковыми розетками и пальмовыми ветвями (рис. 2, а). Эти пилястры расположены у выхода из часовни. Их можно рассматривать как две колонны – символ врат, символ начала пути, итог которого – воскресение, победа над смертью. Именно эту идею отражают пальмовые ветви в христианской культуре, встречающиеся еще на стенах римских катакомб [19. С. 147, 231]. Примечательно, что в контексте архитектурной символики колонн-врат была выстроена арка в иерусалимском прототипе. Н. Гусев так писал о ней, идя по Виа Долороза в 1900 г.: «Через несколько ша-

гов перекинута через улицу арка. По преданию, она находится на том самом месте, куда Пилат вывел Божественного Страдальца, облитого кровью, в багрянице поругания и в терновом венце и, показав Его народу, воскликнул: “Се человек!” Эта арка так и носит наименование “Се человек!” За аркой вскоре показывают место бичевания Спасителя...» [20. С. 354].

Таким образом, мы вычленили на калачеевском Пути Скорби символические первые две станции, обращаясь к письменным источникам, относящимся к предполагаемой верхней временной границе создания пещерного памятника. Возвратимся к воспоминаниям А. Ковальского и рассмотрим в целом иерусалимский Крестный Путь для идентификации остальных символических остановок в Калачеевской пещере. Коваль-

ский писал: «Преторий Пилата составляет первую станцию; 2-я станция – место бичевания и место, где Спаситель взял Свой Крест, чтобы нести на Голгофу, здесь устроена капелла бичевания: *Ecce homo*; 3-я станция – место первого падения Спасителя с Крестом; 4-я – место встречи Спасителя с Пречистою Своею Матерью; 5-я – место, откуда Симон Киринейский начал помогать нести Крест; 6-я – дом Вероники. Когда она увидела из окна Спасителя, то, схватив полотенце, выбежала и отерла пот и кровь с Его лица, который отпечатлелся затем на платке. 7-я станция – Спаситель другой раз падает с Крестом... 8-я станция находится за судными воротами, составляющими границу города; здесь был произнесен декрет, осуждающий Его на смерть. 9-я – место третьего падения с Крестом, в двадцати шагах от храма Гроба Господня, 10-я – место, где с Него были сняты одежды и где он был напоен оцтом, 11-я – пригвождение к Кресту, 12-я – где Он

вознесен на Крест и умер. 13-я – где Он был принят на руки Иосифа и Никодима, 14-я – место положения во Гроб» [17. С. 222].

Рассмотрев в целом Виа Долороза Иерусалима, поставим задачу вычленения оставшихся остановок Пути Скорби в Калачеевской пещере. Для этого, опираясь на нашу гипотезу совпадения ходов пещеры с улицами Иерусалима, обратимся к картографическому материалу. В Оксфордском археологическом путеводителе по Святой Земле мы видим нумерацию станций на улице Виа Долороза (рис. 3) [21. Р. 40]. Надо заметить, что расположение улиц в районе Пути Скорби в этом путеводителе совпадает с изображенными на плане «Иерусалима и его ближайших окрестностей по Ванде-Вельду, Тоблеру, Вильсону и Шикку», опубликованном в Санкт-Петербурге в 1878 г. [22], и с другими картографическими материалами того времени на русском и иностранном языках¹.

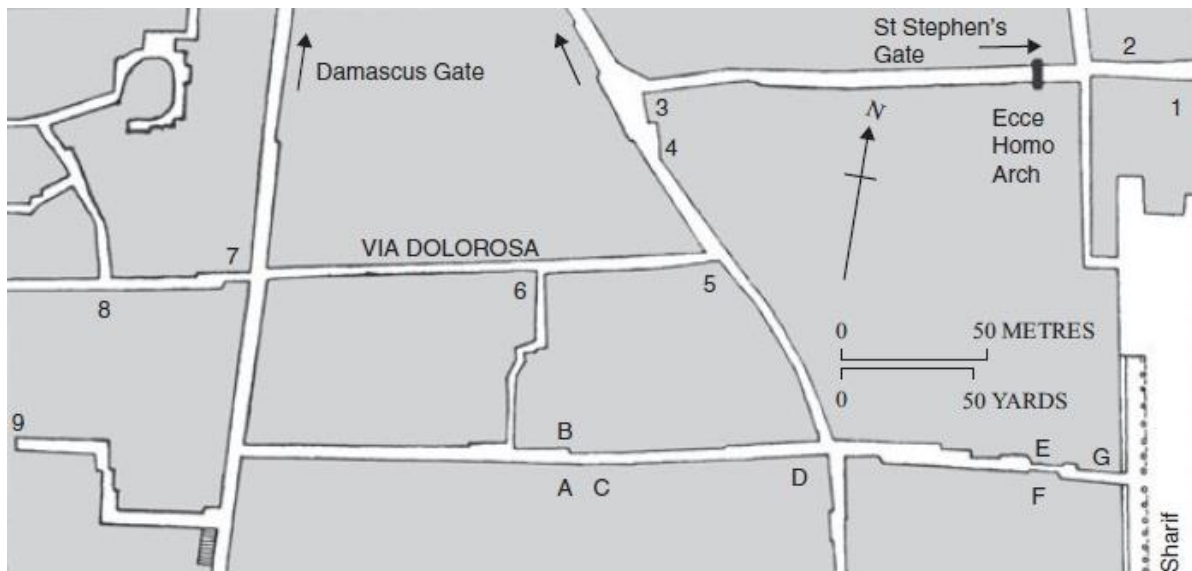

Рис. 3. Фрагмент плана Иерусалима с нумерацией станций на улице Виа Долороза

Если мы будем двигаться по Виа Долороза Калачеевской пещеры от первой и второй станции в западном направлении, то вскоре дойдем до развилки с пересечением коридора, идущего с севера на юг, – современной улица Эль-Вад в Иерусалиме. В шести метрах к северу от развилки в мелу вырезан шестиконечный крест с максимальным размером 1 м на 0,5 м. В районе рассматриваемой развилки располагаются третья и четвертая станции Виа Долороза. Как мы уже отмечали, третья станция – это «место первого падения Спасителя с Крестом», можно предположить, что вырезанный в мелу крест отображает именно эту остановку. Пятая станция в Калачеевской пещере находится в районе следующего перекрестка, откуда Виа Долороза вновь продолжает идти в западном направлении. При этом параллельно данному отрезку улицы в Иерусалиме идет в настоящее время улица а-Мидраша, соединяющаяся с ней переулком Эль-Бейрам в районе шестой станции². Данное пространственное расположение улиц калькируется системой ходов в Калачеевской пещере. После пересечения с улицей Бейт а-Бад на Виа Долороза мы наблюдаем седьмую и восьмую станции.

В Калачеевской пещере они также могли повторяться в этом дублированном пространстве. Далее создатели Калачеевской пещеры проявили творчество, связанное с тем, что в иерусалимской традиции станции с десятой по четырнадцатую находятся внутри храма Воскресения Христова. Понятно, что о создании аналогичного столь сложного проекта в пещере речь идти не могла. Какое решение устроители калачеевского подземелья нашли далее для отражения в сакральном пространстве станций Виа Долороза, выяснить доподлинно не представляется возможным. Мы можем лишь выдвинуть предположение относительно локализации в Калачеевской пещере двенадцатой и четырнадцатой остановок Пути Скорби. Двенадцатая станция – Голгофа, – на наш взгляд, хорошо читается в круговом поднимающемся и спускающемся ходе, рядом с восьмой станцией. На нее ведет пять ступеней. Характер обработки стен в районе Голгофы носит грубый, невыравненный характер. На их поверхности видны следы рубящего орудия труда. Это может свидетельствовать как о незавершенности обустройства данной станции, так и о творческом замысле выделения таким образом есте-

ственного характера скальной породы иерусалимской Голгофы в отличие от других станций, расположенных в городе. Четырнадцатая станция может быть прочитана в отдельной часовне, к северу от третьей остановки. Здесь у восточной стены вырублен уступ, который может читаться как символическое погребальное ложе.

Рассматривая перенос Виа Долороза в сакральное пространство Калачеевской пещеры, надо заметить, что в иерусалимском прототипе большинство станций маркируется лишь прибитой табличкой с номером остановки. Это, в свою очередь, делает затруднительной иную, кроме планиграфическую, идентификацию скопированных в калачеевском подземелье символических остановок Крестного пути. Исключение здесь могут представлять вторая станция, маркируемая колонной, третья станция, выделенная крестом, и двенадцатая станция, подчеркнутая перепадом высот.

Таким образом, сопоставив систему ходов в центральной и северной частях Калачеевского лабиринта с иерусалимской улицей Виа Долороза, мы нашли очевидное пространственное соответствие как по сторонам света, так и по пропорциональному соотношению расположения улиц-ходов. Остается теперь выяснить хронологический отрезок создания данного участка пещеры. Верхняя граница, как мы уже отмечали, – это XIX в. В это время пещера уже существовала, и картографический материал данного столетия помог нам в определении ее символической нагрузки. Определение нижней границы является задачей более сложной. Если говорить о зарождении традиции Виа Долороза в Иерусалиме, то она относится к XIV столетию и связана с деятельностью ордена францисканцев [21. Р. 37]. Воплощение иерусалимского сакрального топоса в русской архитектуре получает развитие с XVI–XVII вв. [23]. «Необходимо отметить также наличие изначального притока населения в Калач из Правобережной Украины, входившей в третью четверти XVIII в. в состав Речи Посполитой» [24. С. 17–18]. Это немаловажный фактор, если учитывать, что перенесение в Россию иерусалимского топоса проходило в рамках вестернизации [25. С. 203]. В XVII в. строятся кальварии, скульптурные композиции на сюжеты страданий Христа, в Польше (Збжидовская и Вейхеровская) и в Литве (Вильнюсская и Жямайгитская). В XVIII в. кальварии создаются в Белоруссии (Минская и Мядельская). Это могло оказать косвенное влияние на ментальность мигрантов в Калач с данных территорий. Не будем забывать также, что, по словам Струкова, в XIX в. в Калачеевской пещере трудился крестьянин из Могилевской губернии, вошедшей в состав России после раздела Речи Посполитой. Не исключено влияние на калачеевцев и отечественного опыта построения Нового Иерусалима под Москвой в XVII в. Но в любом случае это лишь исторический фон ментальности, ведь устроители лабиринтов Калачеевской пещеры копировали непосредственно сакральное пространство Иерусалима.

Наблюдать сакральное пространство Иерусалима и загореться желанием его воспроизведения на родине можно было во время паломничества. О паломничестве в Иерусалим жителей Воронежской епархии Ф. Никон писал в середине XIX в. следующее: «Немного

найдется в епархии селений, где не было бы ни одного человека, совершившего путешествие в Иерусалим. Пилигримы собираются из разных селений большей частью весною или в летнее время и в августе стараются пуститься в Черное море из Севастопольской, как было до войны, или Одесской пристани. Путь их обыкновенно лежит на Константинополь и Афонскую гору, где богомольцы считают долгом посетить несколько монастырей. Отплывши отсюда, они к берегам Палестины пристаю в Яффе (древней Иопнии), страстную седмицу и особенно день Воскресенья Господня стараются проводить в самых местах, освященных великими событиями, совершившимися в сии дни – в Иерусалимских храмах, и, поклонившись всем Иерусалимским и окрестным святыням, а также посетив священные места у Иордана, направляются к горе Синаю. Только немногие возвращаются в отечество прямо из Палестины. Но бывшие в монастырях Синая опять заходят в Иерусалим и тогда уже из Яффы отплывают в Россию. Путешествия сии обыкновенно продолжались от 2 до 3 лет. Но с открытием пароходных сообщений, время это сократилось более чем вдвое... Почти все простые богомольцы приносят с собой в дома разные священные вещи...» [26. С. 326–327]. Могли приносить пилигримы с собой открытки и топографические карты с изображением Иерусалима.

При этом надо заметить, что калачеевский останец весьма напоминает по внешнему виду иерусалимскую возвышенность, на которой был построен Старый Город. Но почему для переноса сюда было выбрано не наземное, как в Иерусалиме, а подземное пространство? Здесь могло быть несколько причин. Подземное строительство не требовало таких трудозатрат, умений и согласований, как наземное. Кроме того, подземный, более скрытый, труд был предпочтительнее в рамках народной сакрализации поселенческой округи. Ведь сакрализация объектов, помимо храмового пространства, не всегда находила понимание среди властей различного уровня [27, 28].

Надо заметить, что в контексте калькирования в Калаче сакрального пространства Иерусалима поновому можно взглянуть и на расположенный в 1,5 км к северо-западу от пещер Воскресенский храм, построенный в 1818 г. на месте ранее созданного в 1775 г. Престольный праздник этого храма был в память освящения иерусалимского Воскресенского храма. В настоящее время Воскресенский храм г. Калач недействующий. Местному краеведу Е.С. Свиридовой удалось собрать множество легенд о засыпанных подземных ходах, идущих от этого храма к Калачеевской пещере [29].

Если говорить не об историческом фоне, когда могла быть построена в Калачеевской пещере Виа Долороза, а о более точной датировке, то здесь нам видится следующее перспективное направление исследований. Во-первых, это изучение архитектурной истории улиц, сопутствующих Виа Долороза и воспроизведенных в Калачеевской пещере. Помимо датирующего элемента, это также поможет понять семантику других ходов пещеры, за пределами Пути Скорби. Возможно, например, прочтение в этом контексте

углублений в нижней части стены западной части пещеры как моделирования водных источников. Во-вторых, перспективным видится проведение археологических исследований засыпанных частей подземелья, в ходе которых могут быть обнаружены датирующие артефакты. В-третьих, немаловажно сопоставить рассмотренные нами в статье северную и центральную части ходов пещеры с южной системой лабиринтов при наличии возможности ее датирования естественнонаучными методами по присутствующей органике в заливке пола одного из помещений.

Переходя к выводам рассмотрения семантики сакрального пространства Калачеевской пещеры, следует отметить подтверждение выдвинутой гипотезы об отражении здесь Виа Долороза – символического Пути Скорби Христа в Иерусалиме. Планиграфия Крестного Пути как в Иерусалиме, так и в Калачеевской пещере носит идентичный характер, символизм которого уси-

ливают настенные граффити. Учитывая, что перед этим нами была решена задача прочтения Виа Долороза в пещерах донского Дивногорского монастыря [15], мы можем говорить о разработке нового методологического подхода, который может применяться для прочтения сакрального пространства других культовых пещер Европейской части России XVII–XIX вв. Его основу составляет обращение к картографическому материалу и такому жанру паломнической литературы, как хождения, для выявления на родине пилигримов прототипов построения сакрального пространства в Святой Земле. Помимо методологического аспекта исследования, необходимо подчеркнуть огромный рекреационный потенциал культовых пещер, обладающих сложной сакральной нагрузкой. В связи с этим остро стоит вопрос о сохранении и реставрации данных уникальных памятников историко-культурного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карта XIX в., Иерусалим, Старый Город. URL: http://mmedia.ozon.ru/multimedia/books_ill/1003259246.jpg; Карта 1900 г., Иерусалим, Старый Город. URL: <http://www.cosmovisions.com/qJerusalem1900.htm> (дата обращения: 09.01.2018).

² Современная карта, Иерусалим, Старый Город. URL: <http://wikiliah.moy.su/photo/6-0-67-3?1408482450> (дата обращения: 05.01.2018).

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы из фонда Струкова Д.М. в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ): 31/21.
2. Трунов М.П. О пещерных храмах Воронежской губернии – по неизданным документам Д.М. Струкова // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. 1904. Вып. 2.
3. Дубянский В.А. О характере растительности меловых обнажений (по исследованиям в Воронежской губ.) // Известия Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада. 1903. Т. 3, вып. 7. С. 209–227.
4. Стрелков П.П. Материалы по зимовкам летучих мышей в Европейской части СССР // Труды Зоологического института Академии наук СССР. 1958. Т. XXV. С. 255–304.
5. Гольянов Э.В. Донские пещеры // Заповедные уголки Воронежской области. Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1983. С. 68–71.
6. Пашкин Е.М. Техническое заключение по теме: «Инженерно-геологическое обследование состояния Калачеевской пещеры» : рукопись. М., 1998.
7. Вязкова О.Е. Инженерно-геологические проблемы изучения и сохранения пещерных храмов Воронежской области // Тезисы 1-го Международного научно-практического симпозиума «Природные условия строительства и сохранения храмов православной Руси», 7–11 окт. 2000 г. Сергиев Посад, 2000. С. 48–50.
8. Вязкова О.Е. Проблемы инженерно-геологического изучения и сохранения пещерных храмов на юге Воронежской области // Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геоэкология. 2004. № 3. С. 237–243.
9. Степкин В. В. Калачеевская пещера (к истории изучения) // Верхнедонской археологический сборник. Липецк : ЛГПУ, 2001. Вып. 2. С. 261–269.
10. Степкин В.В. Пещерные памятники Среднедонского региона // Культовые пещеры Среднего Дона. М. : РОСИ, 2004. Вып. 4. С. 41–137. (Сер. Спелестологические исследования).
11. Гайдюков Н.Е. Степкин В.В. Калачеевская пещера на Среднем Дону (по материалам Д. Струкова и современным исследованиям) // Могилянські читання. 2007: Музейники ХХ століття – дослідники української сакральної культури : зб. наук. праць. Київ : Нац. Києво-Печерський історико-культурний заповідник, 2008. С. 372–381.
12. Гунько А.А., Степкин В.В., Кондратьева С.К., Леонтьев М.В. Новые данные о культовых пещерах Дона по материалам исследований 2012–2013 гг. // Христианские пещерные комплексы Восточной Европы : тез. междунар. науч.-практ. конф. (24–27 апр. 2014, Дивногорье, Воронежская обл., Россия). Воронеж : Истоки, 2014. С. 10–11.
13. Бойко А.М. Свиридова Е.С. Калачеевская меловая пещера по воспоминаниям местных жителей // Дивногорский сборник : тр. музея-заповедника «Дивногорье». Воронеж : Науч. книга, 2015. Вып. 5. С. 61–74.
14. Бойко А.М. Свиридова Е.С. Тайна старой фотографии, или Они жили в пещере // Пещеры как объекты истории и культуры: материалы междунар. науч. форума, Воронеж–Дивногорье, 19–22 апр. 2016. Воронеж : Науч. книга, 2016. С. 33–36.
15. Степкин В.В. Виа Долороза в пещерах урочища Малые Дивы на Среднем Дону // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426, январь. С. 167–179.
16. Гунько А.А., Кондратьева С.К., Степкин В.В. К изучению пещер Спасо-Преображенского Усть-Медведицкого монастыря // Спелеология и спелеология : сб. материалов VIII Междунар. науч. конф. Набережные Челны : НГПУ, 2017. С. 111–120.
17. Шлегель А.А., Рукин М.Д., Мазур И.И. Средневековые паломничества к Святой земле в текстах пилигримов. М. : Акад. Тринитаризма, 2013. 308 с.
18. Лаврецкий Г.А. Модель Святой Земли в сакральной топографии Полоцка // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Ф. Строительство. Прикладные науки : науч.-теор. журнал. 2012. № 8. С. 2–5.
19. Уваров А.С. Христианская символика. М. : Изд-во Ун-та истории культур ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. I. Символика древнехристианского периода. 256 с.
20. Гусев Н. Путешествие во Святую землю // Вятские епархиальные ведомости. 1900. № 8. С. 333–355.
21. The Holy Land : an Oxford Archaeological Guide / gen. ed. B. Cunliffe. New York: Oxford University Press, 2008. 576 p.
22. Норов А.С. Иерусалим и Синай : записки второго путешествия на Восток / под ред. В.Н. Хитрово. СПб. : Изд. Н.П. Поливанова, А.А. Ильина и К°, 1878. [2], XII, 171 с.
23. Крохина Н.П., Бредний А.А. Символика Нового Иерусалима в русской архитектуре XVI–XVII веков // Научный поиск. 2012. № 1. С. 52–56.

24. Бережной А.А. Миграционные процессы на юге Воронежской губернии (XVIII в.). // Из истории Воронежского края : сб. ст. / отв. ред. А.Н. Акиншин. Воронеж, 2006. Вып. 14. С. 17–23.
25. Беляев Л.А. Иерусалим видимый и невидимый: о типологии визуальных отражений Святой Земли в древнерусской культуре // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М. : Индрик, 2009. С. 202–220.
26. Никонов Ф. О благочестивых обычаях и религиозных учреждениях, существующих у жителей Воронежской Епархии // Воронежский литературный сборник. 1861. Вып. I. С. 321–372.
27. Никольский П.В. Монашество на Дону в XIX веке. Очерк 1. Пещерокопательство в XIX в. // Воронежская Старина. Воронеж : Изд-е Воронеж. Церковного ист.-археолог. комитета, 1910. Вып. 9. С. 149–181.
28. Степкин В.В. Пещеростроительство как вид христианского подвижничества в лесостепном Приднью // Вестник церковной истории. М. : Православная энцикл., 2008. № 3 (11). С. 141–150.
29. Свиридова Е. С. Уникальный храм земли Калачеевской. Калач : Януса, 2017.

Vitaliy V. Stepkin, Pavlovsk Secondary School (Pavlovsk, Voronezh region, Russian Federation). [E-mail: archeolog@mail.ru](mailto:archeolog@mail.ru)

KALACHEEVSKAYA CAVE IN THE MIDDLE DON: INTERPRETATION OF SACRED TOPOS IN THE CONTEXT OF THE VIA DOLOROSA

Keywords: Kalacheevskaya cave; Via Dolorosa; Via Crucis; the Russian Orthodox Church; pilgrimage to Jerusalem.

The aim of this work is to identify the semantic meaning of Kalacheevskaya cave's sacred space. The sources of research are the underground complex itself, located on the south of Voronezh region, maps and descriptions of places by pilgrims to the Holy Land. There are no written sources left about building of Kalacheevskaya cult cave. However, the object under study is one of the longest caves in European part of Russia, which attaches particular relevance to field studies of the caves. The total length of the cave passes makes today 892 m. So far, the intended purpose of most of them has been unknown. The study suggests and justifies a hypothesis for reflection in the structure of Kalacheevskaya cave of Jerusalem sacred space, where passes of the cave are town streets and its separate premises are buildings, that makes the scientific novelty of the study. The possibility of such problem setting and solving was inspired by the existing precedent in the caves of Divnogorskiy and Ust-Medveditskiy monasteries in the Don region, where the symbols of the labyrinths can be interpreted as Via Dolorosa. Via Dolorosa is a street in Jerusalem where symbolic stops on the last day of Christ's sufferings are reflected. Its sanctity began to shape in Jerusalem in the 14th century. The embodiment of Jerusalem sacred topos in Russian architecture gets its development in 16-17th centuries. The Kalach city, with a high chalk outlier and the cave in the middle of the town, was founded in the early 18th century by Cossacks of Ostrogozhskiy regiment. Its inhabitants could see the sacred space of Jerusalem during pilgrimage to the Holy Land, trying to repeat it at home within the folk tradition of cave digging. If to compare the plan of Via Dolorosa in Jerusalem with the central and northern parts of cave labyrinths in Kalach, it is possible to see eight stops of the Way of the Cross. Hence, the second stop, "the place of the flagellation and the place where the Savior took his Cross to bear it to Golgotha", is marked by a cut in chalk column decorated with graffiti. The third stop is marked with a big cross cut on chalk. It is impossible to identify on the plan the location of stops from the tenth to fourteenth owing to their location in Jerusalem prototype inside the Church of the Resurrection and its absence in Kalacheevskaya cave. We can only make an assumption about the location of some of them on the basis of distinct architectural elements. For example, Golgotha can be symbolically identified in the circle up-going and down-going pass in the area of the eighth stop of Via Dolorosa in Kalacheevskaya cave. The method of structural-semantic analysis developed in the article based on comparison of individual elements of the cave with a particularly revered Christian sacred loci, allows to take a fresh look at the numerous religious caves of the Great Russian Plain. Thus, in the case of similar semantics, we can speak about increasing of recreational potential of these objects.

REFERENCES

1. Materials from The D.M. Strukov Fund in the Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RSL): 31/21.
2. Trunov, M.P. (1904) O peshchernykh khramakh Voronezhskoy gubernii – po neizdannym dokumentam D.M. Strukova [About the cave temples of the Voronezh province – according to D.M. Strukov's unpublished documents]. *Trudy Voronezhskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. 2.
3. Dubyanskiy, V.A. (1903) O kharaktere rastitel'nosti melovykh obnazheniy (po issledovaniyam v Voronezhskoy gub.) [On the nature of the vegetation of chalk outcrops (according to research in Voronezh province)]. *Izvestiya Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo botanicheskogo sada*. 3(7). pp. 209–227.
4. Strelkov, P.P. (1958) Materialy po zimovkam letuchikh myshey v Evropeyskoy chasti SSSR [Materials on wintering of bats in the European part of the USSR]. *Trudy Zoologicheskogo instituta Akademii nauk SSSR*. 25. pp. 255–304.
5. Golyanov, E.V. (1983) Donskie peshchery [The Don caves]. In: Polozhentsev, P.A. (1983) *Zapovednye ugolki Voronezhskoy oblasti* [The Preserves of Voronezh Region]. Voronezh: Tsentr.-Chernozem. kn. izd-vo. pp. 68–71.
6. Pashkin, E.M. (1998) *Tekhnicheskoe zaklyuchenie po teme: "Inzhenerno-geologicheskoe obsledovanie sostoyaniya Kalacheevskoy peshchery": rukopis'* [Technical conclusion on the topic: "Engineering and geological survey of the Kalach cave": manuscript]. Moscow: [s.n.].
7. Vyazkova, O.E. (2000) Inzhenerno-geologicheskie problemy izucheniya i sokhraneniya peshchernykh khramov Voronezhskoy oblasti [Engineering and geological problems of studying and preserving cave temples in the Voronezh region]. *Prirodnye usloviya stroitel'stva i sokhraneniya khramov pravoslavnoy Rusi* [Natural conditions for the construction and preservation of churches in Orthodox Russia]. Abstracts of the 1st International Symposium. October 7–11, 2000. Sergiev Posad. pp. 48–50.
8. Vyazkova, O.E. (2004) Problemy inzhenerno-geologicheskogo izucheniya i sokhraneniya peshchernykh khramov na yuge Voronezhskoy oblasti [Problems of engineering-geological study and preservation of cave temples in the south of Voronezh region]. *Geoekologiya. Inzhenernaya geologiya. Gidrogeologiya. Geokriologiya*. 3. pp. 237–243.
9. Stepkin, V.V. (2001) Kalacheevskaya peshchera (k istorii izucheniya) [The Kalach cave (to the history of study)]. In: Bessufnov, A.N. (ed.) *Verkhnedonskoy arkhеologicheskoy sbornik* [The Upper Don Archaeological Collection]. Vol. 2. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University. pp. 261–269.
10. Stepkin, V.V. (2004) Peshchernye pamyatniki Srednedonskogo regiona [Cave monuments of the Middle Don region]. In: Sokhin, M.Yu. (ed.) *Kul'tovye peshchery Srednego Dona* [The cult caves of the Middle Don]. Vol. 4. Moscow: ROSI. pp. 41–137.
11. Gaydukov, N.E. & Stepkin, V.V. (2008) Kalacheevskaya peshchera na Srednem Donu (po materialam D. Strukova i sovremennym issledovaniyam) [The Kalach cave in the Middle Don (based on D. Strukov's materials and modern research)]. In: Krolevets, S. & Kolpakova, V.M. (eds) *Mogilyans'ki chitannya. 2007: Muzeyniki XX stolittya – doslidniki ukrains'koï sakral'noi kul'turi*. Kyiv: Nats. Kievo-Pechers'kiiy istoriko-kul'turniy zapovidnik. pp. 372–381.
12. Gunko, A.A., Stepkin, V.V., Kondratieva, S.K. & Leontiev, M.V. (2014) Novye dannye o kul'tovykh peshcherakh Dona po materialam issledovaniy 2012–2013 gg. [New data on the cult caves of the Don based on research materials from 2012–2013]. *Khristianskie peshchernye komplekсы Vostochnoy Evropy* [Christian Cave Complexes of Eastern Europe]. Proc. of the International Conference. April 24–27, 2014. Voronezh: Istoki. pp. 10–11.

13. Boyko, A.M. & Sviridova, E.S. (2015) Kalacheevskaya melovaya peshchera po vospominaniyam mestnykh zhitel'ey [The Kalach chalk cave according to the recollections of local residents]. In: Vinnikov, A.Z. (ed.) *Divnogorskiy sbornik* [The Divnogorsk Collection]. Vol. 5. Voronezh: Nauch. Kniga. pp. 61–74.
14. Boyko, A.M. & Sviridova, E.S. (2016) Tayna staroy fotografii, ili Oni zhili v peshchere [The secret of an old photograph, or They lived in a cave]. *Peshchery kak ob'ekty istorii i kul'tury* [Caves as objects of history and culture]. Proc. of the International Forum. Voronezh-Divnogorye, April 19–22, 2016. Voronezh: Nauch. kniga. pp. 33–36.
15. Stepkin, V.V. (2018) Via Dolorosa in the caves of the Malye Divy area in the Middle Don. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 426. pp. 167–179. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/426/21
16. Gunko, A.A., Kondratieva, S.K. & Stepkin, V.V. (2017) K izucheniyu peshcher Spaso-Preobrazhenskogo Ust'-Medveditskogo monastyrya [On the study of the caves in the Ust-Medveditsky Monastery of the Transfiguration of the Savior]. *Speleologiya i spelestologiya* [Speleology and Spelestology]. Proc. of the 8th International Conference. Naberezhnye Chelny: Naberezhnye Chelny Pedagogical University. pp. 111–120.
17. Shlegel, A.A., Rukin, M.D. & Mazur, I.I. (2013) *Srednevekovye palomnichestva k Svyatoy zemle v tekstakh piligrimov* [Medieval pilgrimages to the Holy Land in the texts of the pilgrims]. Moscow: Akad. Trinitarizma.
18. Lavretsky, G.A. (2012) The Holy Land model in the sacred topography of Polotsk. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. F. Stroitel'stvo. Prikladnye nauki – Herald of Polotsk State University. Series F. Civil Engineering. Applied Sciences*. 8. pp. 2–5. (In Russian).
19. Uvarov, A.S. (2001) *Khristianskaya simvolika* [Christian symbolism]. Moscow: University of History of Cultures; St. Petersburg: Aleteyya.
20. Gusev, N. (1900) Puteshestvie vo Svyatuyu zemlyu [Journey to the Holy Land]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 8. pp. 333–355.
21. Cunliffe, B. (ed.) (2008) *The Holy Land: an Oxford Archaeological Guide*. New York: Oxford University Press.
22. Norov, A.S. (1878) *Ierusalim i Sinay : zapiski vtorogo puteshestviya na Vostok* [Jerusalem and Sinai: Notes of the Second Journey to the East]. St. Petersburg: N.P. Polivanov, A.A. Ilin i Ko.
23. Krokhina, N.P. & Bredniy, A.A. (2012) Simvolika Novogo Ierusalima v russkoy arkhitekture XVI–XVII vekov [Symbols of New Jerusalem in Russian architecture of the 16th – 17th centuries]. *Nauchnyy poisk*. 1. pp. 52–56.
24. Berezhnaya, A.A. (2006) Migratsionnye protsessy na yuge Voronezhskoy gubernii (XVIII v.) [Migration processes in the south of the Voronezh province (the 18th century)]. In: Akinshin, A.N. (ed.) *Iz istorii Voronezhskogo kraya* [From the History of Voronezh Region]. Vol. 14. Voronezh. pp. 17–23.
25. Belyaev, L.A. (2009) Ierusalim vidimyy i nevidimyy: o tipologii vizual'nykh otrazheniy Svyatoy Zemli v drevnerusskoy kul'ture [Jerusalem visible and invisible: on the typology of visual reflections of the Holy Land in ancient Russian culture]. In: Lidov, A.M. (ed.) *Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalem. Hierotopy and Iconography of Sacred Spaces]. Moscow: Indrik. pp. 202–220.
26. Nikonov, F. (1861) O blagochestivnykh obyayakh i religioznykh uchrezhdeniyakh, sushchestvuyushchikh u zhitel'ey Voronezhskoy Eparkhii [About pious customs and religious institutions among residents of the Voronezh Diocese]. *Voronezhskiy literaturnyy sbornik*. 1. pp. 321–372.
27. Nikolskiy, P.V. (1910) Monashestvo na Donu v XIX veke. Ocherk 1. Peshcherokopatel'stvo v XIX v. [Monasticism on the Don in the 19th century. Essay 1. Cave digging in the 19th century]. *Voronezhskaya Starina*. 9. pp. 149–181.
28. Stepkin, V.V. (2008) Building caves as a Christian ascetical practice – the case of forest-steppe outskirts of the Don. *Vestnik tserkovnoy istorii*. 3(11). pp. 141–150. (In Russian).
29. Sviridova, E.S. (2017) *Unikal'nyy khram zemli Kalacheevskoy* [The Kalach Unique Temple]. Kalach: Yaniza.